

Несообщение о преступлении: критический анализ уголовно-правовой нормы

Аннотация. В исследовании анализируется ст. 205.6 «Несообщение о преступлении» Уголовного кодекса РФ. Дается социально-политическая и юридическая оценка предусмотренного ею преступления. Обосновывается мнение о том, что привлечение к уголовной ответственности за несообщение о преступлении проблематично рассматривать в качестве надлежащего инструмента противодействия угрозам террористического характера. Отмечается, что адресатом государственно-принудительного воздействия данной нормы выступают не лица, причастные к террористической или экстремистской деятельности, а не участвующие в ней граждане, по тем или иным причинам не сообщившие о соответствующих криминальных фактах в органы власти. Акцентируется внимание на несоответствии несообщения о преступлении критерию общественной опасности как необходимому условию криминализации. Отражены квалификационные сложности при применении этой уголовно-правовой нормы, высказано суждение о ее несоответствии принципу определенности уголовно-правового запрета. Проанализирована связь между привлечением к уголовной ответственности за несообщение о преступлении и целями уголовного наказания. Сделан вывод о целесообразности пересмотра законодательного подхода к уголовной ответственности граждан за несообщение о преступлении.

Ключевые слова: несообщение о преступлении; террор; терроризм; противодействие актам терроризма; преступления террористического характера; преступления экстремистской направленности; правовая определенность; криминальная общественная опасность; преступное бездействие; квалификационные проблемы

Для цитирования: Синцов В. А., Гайдов Д. В. Несообщение о преступлении: критический анализ уголовно-правовой нормы // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 2. — С. 165–173. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.165-173

© Синцов В. А., Гайдов Д. В., 2026

* Синцов Виктор Андреевич, референт договорно-правового департамента Министерства внутренних дел Российской Федерации
Житная ул., д. 16, г. Москва, Российская Федерация, 119049
verdi89@mail.ru

** Гайдов Дмитрий Вадимович, главный эксперт договорно-правового департамента Министерства внутренних дел Российской Федерации
Житная ул., д. 16, г. Москва, Российская Федерация, 119049
lisd@list.ru

Failure to Report a Crime: A Critical Analysis of the Criminal Law Norm

Viktor A. Sintsov, Adviser, Contractual and Legal Department, Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
verdi89@mail.ru

Dmitry V. Gaidov, Chief Expert, Contractual and Legal Department, Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
lisd@list.ru

Abstract. The study analyzes Article 205.6 «Failure to report a crime» of the Criminal Code of the Russian Federation. A socio-political and legal assessment of the crime it provides for is given. The paper argues that criminal prosecution for failure to report a crime is problematic as an appropriate tool for countering terrorist threats. It is noted that the addressees of the state-coercive impact of this norm are not individuals involved in terrorist or extremist activities, but citizens who are not involved in them and for one reason or another have not reported the relevant criminal facts to the authorities. The focus is on the compliance of failure to report a crime with the criterion of public danger as a necessary condition for criminalization. The classification difficulties in applying this criminal law norm are reflected, and an opinion is expressed about its inconsistency with the principle of certainty of criminal law prohibition. The relationship between criminal liability for failure to report a crime and the goals of criminal punishment is analyzed. Based on the results of the study, it was concluded that it is advisable to revise the legislative approach to criminal liability of citizens for failure to report a crime.

Keywords: failure to report a crime; terror; terrorism; counteracting acts of terrorism; terrorist crimes; extremist crimes; legal certainty; criminal public danger; criminal inaction; classification issues

Cite as: Sintsov VA, Gaidov DV. Failure to Report a Crime: A Critical Analysis of the Criminal Law Norm. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(2):165-173. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.165-173

Цель обеспечения национальной безопасности диктует необходимость принятия Российской Федерацией комплекса мер по противодействию деструктивному поведению со стороны различных криминальных элементов, которые используют терроризм и экстремизм в качестве инструментов дестабилизации общественно-политической обстановки в стране.

Немаловажным, но всё же далеко не единственным механизмом недопущения террористической и экстремистской деятельности является уголовное законодательство.

В целях эффективного реагирования на преступления, связанные с проявлением экстремизма и терроризма, Уголовный кодекс РФ включает целый ряд статей антитеррористической направленности, сгруппированных по различным разделам (главам). Среди них нормы об

ответственности за преступления, посягающие на фундаментальные конституционные ценности (безопасность, экология, конституционный строй и др.).

Однако любое ли поведение, трактуемое Уголовным кодексом РФ как экстремистское или террористическое преступление, во-первых, действительно является таковым, а во-вторых, имеет уголовное (криминальное) содержание?

В 2016 г. в УК РФ введена статья 205.6, устанавливающая ответственность за несообщение в уполномоченные органы власти о лицах (лице), которые, по достоверной информации, готовят, совершают или совершили хотя бы одно из перечисленных в ней преступлений террористической, экстремистской и диверсионной направленности¹.

Известно, что несообщение (иначе, недонесение) о преступлении наказывалось и по советско-

¹ Федеральный закон от 06.07.2016 № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополни-

му уголовному законодательству (ст. 88.1 и 190 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г.). Однако, как справедливо отмечалось в научной литературе, наличие таких норм не противоречило советской Конституции 1977 г., обязывающей граждан быть непримиримыми к антиобщественным поступкам и всячески содействовать охране общественного порядка². Казалось бы, в условиях нового социально-политического строя, определившего развитие российского уголовного законодательства в демократическом направлении³, отсутствуют предпосылки для уголовного преследования за недонесение (несообщение о преступлении). Тем не менее законодатель посчитал иначе и спустя 20 лет с момента принятия УК РФ 1996 г. реанимировал указанное преступление.

Придание несообщению о преступлении статуса уголовно наказуемого деяния в пояснительной записке к соответствующему законопроекту мотивировалось необходимостью введения дополнительных правовых механизмов противодействия террористическим угрозам. В то же время, не отрицая важности борьбы с антигосударственными преступлениями, полагаем, что столь абстрактное обоснование причины введения в УК РФ рассматриваемой уголовно-правовой нормы нельзя признать достаточно аргументированным.

Апелляция к угрозе наказанием как средству предотвращения терроризма свидетельствует о недооценке иных политико-правовых средств обеспечения антитеррористической защищенности.

Наряду с уголовной ответственностью на правоприменительном уровне реализуются различные социально-экономические, контрольные, профилактические меры против террористов. О приоритете предупредительных мер над карательными еще в XVIII в. писал Ч. Беккариа⁴. В настоящее время идею комплексного воздействия на терроризм при минимальных уголовно-правовых издержках отстаивает Я. И. Гилинский⁵. Действительно, недопущение совершения деяний, представляющих угрозу национальной безопасности, куда важнее, чем реагирование постфактум на преступления с серьезными социальными последствиями.

Цели предупреждения террористических актов с точки зрения ее эффективности в наибольшей степени соответствует не наказание граждан за несообщение о преступлении, а, наоборот, поощрение за информирование уполномоченных государственных органов о деструктивной деятельности потенциально опасных субъектов⁶.

При этом оправданность наказания за несообщение о преступлении сомнительна уже потому, что его правовая оценка как преступления поставлена в зависимость от уголовно наказуемого деяния, совершенного другим лицом. Ввиду отсутствия объективной связи между уголовно наказуемым несообщением и предикатным преступлением террористического характера (экстремистской направленности) не представляется возможным усмотреть в поведении так называемого недоносителя признаков противо-

тельных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // СЗ РФ. 2016. № 28. Ст. 4559.

² См.: *Гладких В. И.* Несообщение о преступлении: возврат к уголовной ответственности за недонесение в новых условиях? // *Защита прав и свобод человека и гражданина: современное состояние и перспективы развития* : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. М., 2018. С. 17.

³ *Наумов А. В.* Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2011. С. 490.

⁴ *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях. М., 1995. С. 230.

⁵ *Гилинский Я. И.* Неокриминология. Криминология постмодерна. СПб. : Алетей, 2025. С. 180.

⁶ Согласно пп. «д» п. 26 Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации, утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г. (СПС «КонсультантПлюс»), в качестве одного из требований, которым должна отвечать нормативно-правовая база противодействия терроризму, названо определение адекватных угрозам террористических актов мер стимулирования и социальной защиты лиц, участвующих в мероприятиях по противодействию терроризму.

правного поведения, повлекшего негативные изменения в общественных отношениях.

Привлечение к ответственности за такое деяние свидетельствует не о борьбе с терроризмом и смежными с ним явлениями, а об имитации таковой. Гражданин, не сообщивший о подготовке или совершении преступления, не является сопричастным к нему, а потому его наказание никоим образом не позволит защитить население РФ от новых угроз национальной безопасности. Нельзя исключать и тот факт, что террорист или экстремист, о деяниях которого потенциальный недоноситель не сообщил в органы власти, так и останется на свободе, продолжит заниматься криминальной, деструктивной деятельностью.

Вследствие этого нетрудно предположить, что при возложении бремени ответственности за чужую антиобщественную деятельность на лицо, не известившее о ней правоохранительные органы, едва ли не единственным направлением административной работы, которая с количественной (формальной) стороны может указывать на «успехи» в противодействии терроризму (экстремизму), оказывается уголовная статистика.

Сказанное подтверждается и судебной практикой. Например, гражданин был привлечен к уголовной ответственности по ст. 205.6 УК РФ за несообщение в правоохранительные органы о лице, которому инкриминировались публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма (ч. 2 ст. 205.2 УК РФ)⁷.

Таким образом, юридический факт несообщения о преступлении как условие наказуемости лишь отводит внимание от основной проблемы — необходимости выявления реальных преступников, блокирования террористических актов, экстремистского поведения. В установлении уголовной ответственности за указанное деяние в большей степени усматривается не оценка

соответствующего поведения как общественно опасного, а декларативное провозглашение целесообразности борьбы с терроризмом, в основу которой положена сформулированная Н. Макиавелли (1469–1527) политико-правовая формула: «цель оправдывает средства».

Не вызывает сомнений, что подмена комплексного подхода к решению проблемы предупреждения терроризма (экстремизма) уголовным наказанием недоносителей — не более чем фикция. Применение к последним мер государственного принуждения вместо стимулирования их инициативного общественно полезного поведения не согласуется с принципом экономии уголовной репрессии.

К вышеизложенному следует добавить, что применение уголовно-правовой нормы об ответственности за несообщение о преступлении вызывает вопросы не только с позиции ее сомнительной эффективности в противодействии угрозам национальной безопасности, но и в контексте оценки запрещенного этой нормой деяния как общественно опасного.

Полагаем, что данное деяние по своим имманентным свойствам не является опасным, поскольку не находится в причинной связи с деятельностью другого лица (лиц), направленной на совершение преступления террористического характера (экстремистской направленности). Уголовно наказуемые деяния, лишенные криминальной общественной опасности, в науке уголовного права принято именовать квази-, эрзац-, псевдопреступлениями⁸.

С сожалением приходится констатировать, что утверждение Н. С. Таганцева о недопустимости криминализации несообщения о преступлении по-прежнему сохраняет актуальность. Ученый акцентировал внимание на том, что криминализация несообщения о преступлении сродни оправданию доноса. Последний может содействовать раскрытию преступлений, которые не были раскрыты компетентными органами, но ему недопустимо придавать офици-

⁷ Приговоры № 1-292/2024 от 16.04.2024 по делу № 1-292/2024, от 01.04.2024 по делу № 1-292/2024.

⁸ Коробеев А. И., Шишов А. А. Уголовный проступок сквозь призму института административной преюдиции: благо или зло? // Уголовное право. 2017. № 4. С. 68–72.

альную форму, обратив в необходимый элемент общественной жизни⁹.

Прежде чем приступить к анализу возможных квалификационных проблем, касающихся применения ст. 205.6 УК РФ, отметим, что несообщение о преступлении с определенной долей условности может рассматриваться в качестве формы прикосновенности к преступлению, под которой понимается вторичная противоправная деятельность, связанная с первоначальным преступлением, но не находящаяся с ним в причинной связи¹⁰. В отличие от иных форм прикосновенности, предполагающих совершение активных действий по сокрытию факта преступной деятельности (например, ст. 175 и 316 УК РФ), несообщение о преступлении осуществляется путем бездействия. Виновному инкриминируется уклонение от информирования органов государственной власти о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление.

Первая квалификационная сложность состоит в том, что действующим уголовным законодательством не раскрывается содержание термина «несообщение о преступлении». Его уяснение посредством обращения к законодательству иной отраслевой принадлежности сопряжено с трудностями.

В качестве антитезы словосочетанию «несообщение о преступлении» выступает словосочетание «сообщение о преступлении», закрепленное Уголовно-процессуальным кодексом РФ. Последнее в силу п. 43 ст. 5 УПК РФ содержательно включает в себя конкретные процессуальные документы (заявление о преступлении, рапорт, постановление прокурора) и юридически значимые факты (явка с повинной).

Из этого следует вывод, что несообщение о преступлении выражается в уклонении от доведения до органов государственной власти

информации о фактах противоправной деятельности в предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством формах. Однако возникает вопрос: как оценивать сообщение о преступлении посредством телефонного вызова или анонимного заявления? Ведь в силу части седьмой ст. 141 УПК РФ анонимное заявление о преступлении не может служить поводом для возбуждения уголовного дела.

Думается, что законодатель при введении в УК РФ ст. 205.6 вряд ли предполагал, что информация о преступлении должна направляться в правоохранительные органы в предусмотренной УПК РФ процессуальной форме. По-видимому, правовое значение придавалось информации как таковой, но соответствующей критерию достоверности. Так или иначе, четкого ответа на вопрос о содержании термина «несообщение о преступлении» российское законодательство не дает.

С учетом указанного обстоятельства полагаем, что в существующем виде анализируемая уголовно-правовая норма не в полной мере соответствует принципу законности (часть первая ст. 3 УК РФ) и вытекающему из него требованию юридической определенности¹¹.

Вторая квалификационная проблема усматривается в установлении преступного бездействия при вменении несообщения о преступлении.

Правило о том, что в основе преступного бездействия всегда лежит правовая обязанность действовать определенным образом, является хрестоматийным.

Вместе с тем действующим позитивным законодательством не предусмотрена обязанность гражданина информировать правоохранительные органы о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление. На конституционном уровне закреплено лишь

⁹ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая : в 2 т. Т. 1. М. : Наука, 1994. С. 631.

¹⁰ О понятии прикосновенности к преступлению см.: Смирнов В. Г. Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву. М., 1957. С. 24–26 ; Разгильдиев Б. Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1981. С. 11 ; Лапунин М. М. Вторичная преступная деятельность: понятие, виды, проблемы квалификации, криминализации и пенализации / науч. ред. Н. А. Лопашенко. М. : Волтерс Клувер, 2006. С. 37–58.

¹¹ См. об этом, например, определение Конституционного Суда РФ от 29.11.2024 № 2989-О.

право обращаться в органы государственной власти и органы местного самоуправления (ст. 33 Конституции РФ). Этому праву корреспондируют предписания Конституции РФ о гарантированности государственной защиты прав и свобод личности, а также предоставлении правомочий по их защите не запрещенными законом способами (ст. 45).

Таким образом, гражданин может сообщить органам государственной власти о факте противоправной деятельности, реализуя предоставленное ему Конституцией РФ право на обращение, а может и не сообщать.

Стоит отметить, что Уголовный кодекс РФ выступает единственным нормативным правовым актом, из которого следует обязанность гражданина сообщать о криминальной антигосударственной деятельности других лиц. Такой законодательный подход сложно признать удовлетворительным, поскольку обязывает не УК РФ, а норма позитивного права. Уголовный закон формулирует нормы-запреты, а не предписывает правомерное поведение. По справедливому замечанию А. И. Бойко, «обязывающий или предписывающий характер уголовно-правовых норм можно усматривать лишь в общепредупредительном плане, а не в акте индивидуальной процессуальной расправы»¹².

Специальная правовая обязанность действовать в ситуации совершения преступления возложена на специально уполномоченных должностных лиц. В частности, функции выявления, предупреждения и пресечения преступлений — необходимые атрибуты деятельности правоохранительных органов. Это вытекает из ст. 2 и 18 Конституции РФ, закрепившей верховенство прав и свобод личности и обязанность государства по их соблюдению.

Участие граждан РФ в деятельности по предупреждению преступлений допустимо в исключительных случаях (например, при необходимой обороне или задержании преступника). Но такая деятельность осуществляется исключительно на добровольной основе. Гражданин, предупреждающий преступление, исходит из

чувства долга, совести, а не опирается на нормативные предписания.

Возложение на граждан обязанности упреждать преступления формирует квазигосударственные органы правоохранительной направленности, что не соотносится со статьей 2 Конституции РФ, определяющей защиту прав и свобод человека и гражданина в качестве обязанности государства, а также с пунктом 41 Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400¹³, согласно которой важнейшим фактором, способствующим обеспечению государственной и общественной безопасности, выступает реализация мер, направленных на усиление роли государства как гаранта безопасности личности.

Инкриминируемое гражданину преступное бездействие должно быть не только сознательным и волевым, но и, как любое преступное деяние, общественно опасным, виновным, противоправным.

Гражданин, уклонившийся от сообщения органам государственной власти о преступной деятельности других лиц, может руководствоваться не только безразличием, но и чувством страха подвергнуться преследованию со стороны преступника или его возможных соучастников. Нельзя исключать и опасение гражданина быть привлеченным к уголовной ответственности за заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ) в случае ошибочного истолкования деятельности предполагаемого злоумышленника как уголовно наказуемой.

Наконец, третья квалификационная проблема состоит в определении субъективных признаков несообщения о преступлении, характеризующего виной в виде прямого умысла. В вопросе о виновности попутно отметим и аспект презумпции невиновности: поскольку в диспозиции ст. 205.6 УК РФ содержится указание на достоверную осведомленность гражданина о фактах противоправной деятельности, предполагается, что любые сомнения в характере в такой деятельности должны толковаться в

¹² См.: Бойко А. И. Преступное бездействие. СПб., 2003. С. 100.

¹³ СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

его пользу (ч. 3 ст. 49 Конституции РФ, ч. 3 ст. 14 УПК РФ). На практике весьма непросто провести границу между достоверным знанием о преступлении и предположением о таковом. Кроме того, гражданин может предполагать, что преступление и вовсе не совершается, а высказанное в той или иной форме намерение злоумышленника является своего рода бравадой.

Учитывая, что ни сообщение о преступлении, ни преступления террористической направленности, поименованные в диспозиции ст. 205.6 УК РФ, не являются самоочевидными деяниями, их правовая оценка как преступных требует специальных юридических познаний. Отсутствие в УК РФ четких критериев достоверной осведомленности как конститутивного признака состава несообщения о преступлении переводит его в разряд оценочных признаков, установление которых зависит от субъективного усмотрения органа правосудия.

Кроме того, интерпретация уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за несообщение о преступлении, приводит к выводу о том, что на гражданина возложена обязанность дать компетентную правовую оценку как своему поведению, так и действиям непосредственного исполнителя преступлений (преступления), перечисленных в диспозиции ст. 205.6 УК РФ.

Представляется, что такое регулирование не корреспондирует принципу виновной ответственности (ст. 5 УК РФ), согласно которому лицо несет ответственность лишь за лично совершенные общественно опасные деяния, в отношении которых установлена его волевая причастность. Деяние, не опосредованное личным вкладом субъекта преступления, преступным признаваться не должно. По существу, вина гражданина лишь в том, что он не воспрепятствовал наступлению преступного результата или не проинформировал о его наступлении.

Особняком стоит вопрос о возрасте привлечения к уголовной ответственности за несообщение о преступлении.

Согласно УК РФ ответственность за несообщение о преступлении наступает с 14 лет (часть вторая ст. 20), что является чрезмерно репрессивным правовым подходом несмотря на то, что

анализируемое преступление отнесено законодателем к категории небольшой тяжести. Вряд ли несовершеннолетний способен адекватно оценить уровень опасности сложных для квалификации деяний террористического характера (экстремистской направленности). Надлежащая правовая оценка указанных преступлений представляет сложность не только для подростка, но и для взрослого человека, не имеющего юридического образования и, как следствие, не владеющего навыками толкования юридических норм.

Наряду с отмеченными проблемами квалификации несообщения о преступлении актуальным видится вопрос об уголовно-правовой оценке действий недоносителя, если о готовящемся преступлении ему стало известно в связи с так называемым обнаружением умысла. Например, возможна ситуация, когда намерение совершить преступление террористической направленности было высказано в ходе устного диалога, однако в дальнейшем не было реализовано. Аналогичным примером может служить получение информации о таком намерении в электронном виде через мессенджеры («Ватсап», «Телеграм»). Обнаружение умысла по устоявшемуся правилу не обладает признаками преступного деяния, а потому не влечет уголовной ответственности. Еще древнеримскими юристами выработана формула: *cogitationis poenam nemo patitur* (мысли не наказуемы), которая составляет международно-правовые стандарты защиты прав и свобод человека и гражданина и воспринята Конституцией РФ в аспекте закрепления права на свободу мысли и слова (ч. 1 ст. 29).

Вопреки обнаружению умысла, приготовление к преступлению террористического характера или экстремистской направленности характеризуется конспиративностью. Виновный, готовящийся совершить, в частности, террористический акт, рассчитывает на то, что о его действиях не будут осведомлены посторонние лица.

Тем не менее в практической деятельности не исключены квалификационные ошибки при разграничении обнаружения умысла, не выраженного в деянии, и ситуации, когда гражданин

становится осведомленным о действительно подготавливаемых фактах преступной деятельности. Конструкция рассматриваемой уголовно-правовой нормы такова, что она позволяет привлекать гражданина к уголовной ответственности исходя из презумпции его достоверной осведомленности как о готовящемся, так и о совершенном преступлении.

С учетом вышеизложенного представляется, что существующий законодательный подход к ответственности за несообщение о преступлении нуждается в пересмотре.

Применение уголовно-правовой нормы об ответственности за несообщение о преступлении является дискуссионным не только с точки зрения ее сомнительной эффективности в противодействии угрозам национальной безопасности, но и в контексте оценки запрещенного этой нормой деяния как общественно опасного.

Осуждение недоносителя вряд ли способно привести к минимизации возможных террористических угроз. В силу безвредного характера данного деяния, а также того, что в качестве его непосредственного причинителя может выступать законопослушный гражданин, не склонный к совершению противоправных деяний, фактическое наказание такого лица как причастного к преступлениям террористического характера и экстремистской направленности является не только негуманным, но и несправедливым правовым подходом. Соответственно, предусмотренные статьей 43 УК РФ цели уголовного наказания в отношении такого гражданина реализованы не будут. При необходимости привлечения граждан к деятельности по противодействию терроризму (экстремизму) на добровольных

началах логичнее использовать поощрительные механизмы, в том числе материально-правового характера. Это в наибольшей степени позволит стимулировать граждан не оставаться равнодушными к угрозам и рискам, которые представляет для населения деятельность террористов.

К сожалению, предпосылок для декриминализации ст. 205.6 УК РФ в настоящее время не усматривается. Вопрос о соответствии ст. 205.6 Конституции РФ уже становился предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, который констатировал ее предупредительный потенциал и пришел к выводу о ее соответствии принципу правовой определенности¹⁴.

21 апреля 2025 г. принят Федеральный закон № 102-ФЗ «О внесении изменения в статью 205.6 Уголовного кодекса Российской Федерации»¹⁵, установивший ответственность за несообщение в органы власти о преступлениях диверсионной направленности. Не исключено, что в части содержательного наполнения данная норма будет и в дальнейшем претерпевать определенные метаморфозы. В силу абстрактности диспозиции она может расширяться за счет включения в нее указания на любые преступления, в том числе нетеррористической направленности, о совершении которых гражданин не заявил в правоохранительные органы.

Однако авторы выражают надежду, что нахождение нормы о несообщении о преступлении в орбите уголовного законодательства окажется временным и в конечном итоге законодателем будет принято решение о ее декриминализации ввиду несовместимости с основными правами и свободами человека и гражданина.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. — М., 1995. — 303 с.
2. Бойко А. И. Преступное бездействие. — СПб., 2003. — 318 с.
3. Гилинский Я. И. Неокриминология. Криминология постмодерна. — СПб. : Алетей, 2025. — 234 с.

¹⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2018 № 1996-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Паталиева Магомеда Сайфуудиновича на нарушение его конституционных прав статьей 205.6 Уголовного кодекса Российской Федерации».

¹⁵ СЗ РФ. 2025. № 17. Ст. 2131.

4. Гладких В. И. Несообщение о преступлении: возврат к уголовной ответственности за недонесение в новых условиях? // Защита прав и свобод человека и гражданина: современное состояние и перспективы развития : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. — М., 2018. — С. 16–23.
5. Коробеев А. И., Ширшов А. А. Уголовный проступок сквозь призму института административной преюдиции: благо или зло? // Уголовное право. — 2017. — № 4. — С. 68–72.
6. Лапунин М. М. Вторичная преступная деятельность: понятие, виды, проблемы квалификации, криминализации и пенализации / науч. ред. Н. А. Лопашенко. — М. : Волтерс Клувер, 2006. — 221 с.
7. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Волтерс Клувер, 2011. — 742 с.
8. Разгильдиев Б. Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. — Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1981. — 111 с.
9. Смирнов В. Г. Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву. — М., 1957. — 129 с.
10. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая : в 2 т. Т. 1. — М. : Наука, 1994. — 800 с.

Материал поступил в редакцию 4 июня 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bekkaria Ch. O prestupleniyakh i nakazaniyakh. — M., 1995. — 303 s.
2. Boyko A. I. Prestupnoe bezdeystvie. — SPb., 2003. — 318 s.
3. Gilinskiy Ya. I. Neokriminologiya. Kriminologiya postmoderna. — SPb.: Aleteyya, 2025. — 234 s.
4. Gladkikh V. I. Nesoobshchenie o prestuplenii: vozvrat k ugovnoy otvetstvennosti za nedonesenie v novykh usloviyakh? // Zashchita prav i svobod cheloveka i grazhdanina: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya: sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. — M., 2018. — S. 16–23.
5. Korobeev A. I., Shirshov A. A. Ugolovnyy prostupok skvoz prizmu instituta administrativnoy preyuditsii: blago ili zlo? // Ugolovnoe pravo. — 2017. — № 4. — S. 68–72.
6. Lapunin M. M. Vtorichnaya prestupnaya deyatel'nost: ponyatie, vidy, problemy kvalifikatsii, kriminalizatsii i penalizatsii / nauch. red. N. A. Lopashenko. — M.: Volters Kluver, 2006. — 221 s.
7. Naumov A. V. Rossiyskoe ugovnoe pravo. Obshchaya chast: kurs lektsiy. — 5-e izd., pererab. i dop. — M.: Volters Kluver, 2011. — 742 s.
8. Razgildiev B. T. Ugolovno-pravovye problemy prikosnovennosti k prestupleniyu. — Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1981. — 111 s.
9. Smirnov V. G. Ponyatie prikosnovennosti po sovetскому ugovnomu pravu. — M., 1957. — 129 s.
10. Tagantsev N. S. Russkoe ugovnoe pravo. Lektsii. Chast obshchaya: v 2 t. T. 1. — M.: Nauka, 1994. — 800 s.